

УДК 304.9

М. В. Подручный

Белорусский государственный технологический университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ БИОПОЛИТИКИ

В статье анализируются возможности и пределы категориального аппарата и методологии биополитики как концепции социо-гуманитарного познания в описании демографической динамики общества. Реконструируется генеалогия концепции биополитики, прослеживаемая в содержательном развитии этого понятия в работах М. Фуко. М. Фуко предложил свое оригинальное видение биополитики, когда связал ее появление и эволюцию с эволюцией европейского либерального права и современного либерального государства. Биополитика Фуко – это прежде всего практики, вырастающие из понимания роли населения как главного государственного ресурса; другой стороной этого является переход от насильственной власти суверена к буржуазным практикам «заботы о себе». Однако последнее превращается в основание для легитимации неолиберальных практик удаления государства из сферы социального регулирования и дискредитации идеи «социального государства». Выводом проведенного исследования является утверждение о том, что концепция биополитики, как она сформировалась в трудах основоположников данного направления социально-философского анализа, представляет собой негативный (критический) вариант социальной онтологии, поскольку утверждение биологических процессов жизнедеятельности общества в качестве его основы в действительности противоречит принципу человеческой социальности. Прикладным результатом исследования является выявление трех стратегий биополитики в условиях пандемийного социального кризиса.

Ключевые слова: биополитика, биокапитализм, биосоциальность, капитализация жизни, суверенизация, депопуляция.

Для цитирования: Подручный М. В. Демографические проблемы в контексте биополитики // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 99–102.

M. V. Podruchny

Belarusian State Technological University

DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN THE CONTEXT OF BIOPOLITICS

The article analyzes the possibilities and limits of the categorical apparatus and methodology of biopolitics as a concept of socio-humanitarian knowledge in describing the demographic dynamics of society. This article reconstructs the genealogy of the concept of biopolitics, traced in the meaningful development of this concept in the works of M. Foucault. M. Foucault offered his original vision of biopolitics when he linked its emergence and evolution with the evolution of European liberal law and the modern liberal state. Foucault's biopolitics is, first of all, practices that grow out of an understanding of the role of the population as the main state resource; the other side of this is the transition from the coercive power of the sovereign to the bourgeois practices of "self-care". However, the latter turns into a basis for legitimizing neoliberal practices of removing the state from the sphere of social regulation and discrediting the idea of a "welfare state". The conclusion of the study is the statement that the concept of biopolitics, as it was formed in the works of the founders of this direction of socio-philosophical analysis, is a negative (critical) version of social ontology, since the assertion of the biological processes of the life of society as its basis actually contradicts the principle of human sociality. The applied result of the study is the identification of three strategies of biopolitics in the context of a pandemic social crisis.

Key words: biopolitics, biocapitalism, biosociality, capitalization of life, sovereignty, depopulation.

For citation: Podruchny M.V. Demographic problems in the context of biopolitics. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 99–102 (In Russian).*

Введение. Изучение феномена биополитики как эволюционно-культурного явления становится актуальным вопросом современности. Наибольший общественный интерес и интерес исследователей вызывают международный терроризм, биотерроризм, новые международные институты и размытие границ между

государственным и частным. Тем не менее все еще не представляется правдоподобным, что мир XXI века становится миром биополитики и что биополитика – знак нашего времени. Это означает, что еще не так давно, в эпоху глобализации, в теоретическом, но больше в политическом смысле был осуществлен поворот и появились

новые формы биополитических концепций, их практика в настоящее время только расширяется. Эти процессы проявляются в росте классовой дифференциации, а также во многих попытках контролировать и управлять целым населением. Они одинаково заметны в ряде новых войн и интервенций, в концентрации сил различных «друзей» и «врагов», в выборе средств борьбы с пандемиями и в росте симуляции политики во многих правительственных и дискурсивных механизмах.

В таком свете философия должна сформулировать неперемное условие производства политических реальностей: постепенное исчезновение власти гражданина как политического деятеля, «вытеснение» фигуры интеллектуала из публичного дискурса. Наконец, этот процесс приводит к полной пассивности, что делает идею свободы бессмысленной, невысказанной и ненужной и означает безапелляционное государственное управление всем населением, т. е. тотальный процесс, распространяющийся на сферы искусства, культуры и науки и позволяющий нигилистическую релятивизацию всех ценностей.

Основная часть. Истоки биополитики находят в древнегреческой политической мысли. Концепция политики как регуляции количества и качества населения во имя безопасности и счастья государства и его жителей так же стара, как сама политическая мысль: политико-философские категории классической мысли, особенно те, которые принадлежали Платону и Аристотелю, были уже биополитическими категориями. В аристотелевской «Политике» можно обнаружить следующие биополитические идеи. Во-первых, основой политики является обеспечение благополучия (эвдаймонии) города-государства и счастливой жизни его жителей. Лучшая конституция – это конституция, согласно которой жители города-государства имеют наилучшую «возможность для счастья», порядок, в котором каждый будет жить счастливо. Во-вторых, основным и наиболее эффективным средством достижения этой цели является регулирование качества и количества населения. В-третьих, Аристотель также считал, что государственная политика должна быть приспособлена к имманентным природным процессам: будь то деторождение, здоровье или психическая жизнь.

Другими словами, конечной целью искусства правительства является содействие счастью города-государства и счастью его жителей, а основным средством достижения этой цели является регулирование качества и количества населения в соответствии с имманентными нормами жизни, которые известны благодаря научному исследованию человеческой природы. Эти идеи

Аристотеля очевидно соотносятся с биополитическими идеями.

Как и для Аристотеля, для Платона в «Республике» конечной целью политики и управления также является благополучие и счастье города-государства и его жителей. В государстве хорошее воспитание и совершенная система образования вместе с разумом и мудростью лидеров делают законы ненужными, по крайней мере большинство из них, так как хорошо управляемым государствам не нужны многие законы – и даже плохо управляемым государствам законы не нужны, потому что они от них не выигрывают.

В отличие от Аристотеля, у Платона контролю и регулированию качества уделяется гораздо больше внимания, чем количеству населения. Кроме того, в государстве на карту поставлено не столько качество всего населения, сколько качество правящего класса или расы, т. е. опекуны, поделенные на вспомогательных и руководящих деятелей государства.

По Платону, целью лидеров государства является не только выявление общих интересов города, они также измеряли свой успех славой своих решений. Они были обязаны обеспечивать материальное и духовное благосостояние каждого члена семьи, поскольку именно такое благосостояние является признаком счастья. По словам Платона, работа законодателя не выполнена, «если он просто устанавливает законы и выходит из дела» [1], поскольку он также должен контролировать его выполнение.

В целом тема политического сопротивления вообще отсутствует в греческой философско-политической литературе. Греки были озабочены не вопросом сопротивления, а вопросом биополитической организации и регулирования населения.

В христианском режиме от поздней античности до эпохи Возрождения манипулирование определенными жизненными процессами стало проблематичным, в том числе это распространялось на манипулирование качеством и количеством населения с помощью детоубийства, воздействия на детей, аборт. В христианской литературе заметно отсутствие биополитических тем, в том числе вопроса о народонаселении. Философия Нового времени, культивируя тотальный рационализм, маргинализовала биологические аспекты социальной динамики, и только философия XX века формулирует принципы биополитики как языка описания социальных явлений.

Автором подхода принято считать французского философа, теоретика культуры и истории Поль-Мишеля Фуко, с лекционного курса которого «Рождение биополитики», прочитанного в Коллеж де Франс в 1978/1979 учебном году,

и начинается философское осмысление феномена биополитики и анализ власти. Сам Фуко в настоящем курсе дважды объясняет, как вписывается это «новое» направление его исследований в общую эволюцию его мысли, определяя собственную методологию. Говоря о практике управления, он отказывается от веры в существование некоего изначально данного объекта исследования, как отказывался от нее всегда. Не существует универсалий, исходя из которых можно было бы характеризовать какие бы то ни было дискурсивные практики, неизменно носящие исторический характер. Напротив, исходя из самой практики, Фуко анализирует становление дискурсивных формаций. Если историцизм исходит из универсалий, то Фуко предлагает посмотреть, существуют ли эти универсалии, исходя из самой истории [2].

По словам Фуко, биовласть работает на двух уровнях. С одной стороны, она была реализована с помощью ряда дисциплинарных методов, используемых в разнообразных учреждениях от тюрем до школ и от больниц до мастерских: дисциплинирование, обучение и нормализация [3]. Далее происходило расширение их возможностей, но при этом оно не делало их менее управляемыми. С другой стороны, с помощью различных политических технологий, от статистики и демографии до общественного здравоохранения и жилищного строительства, биовласть была направлена на регулирование всего населения посредством контроля рождаемости и манипулирования ею, смертности, здоровья, миграции, профессиональных возможностей, товарооборота. Таким образом, биовласть характеризовалась контролем и регулированием жизни как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Более того, по мнению Фуко, обе эти формы биовласти, в частности власть над населением, вращались вокруг аналитики пола – аналитики, которая в современном обществе заменила древнюю систему союза (поддержание кровных связей и линий происхождения).

Фуко объясняет, как нужно анализировать государственность вне модели Левиафана, т. е. вне области правового суверенитета, так как он основывается на методах господства (общество должно защищаться). Исходя из вывода, что новые формы государственного управления колонизируют правовые структуры и разрушают правовую систему суверенитета, Фуко пытается предположить, что биополитика относится к политизации жизни отдельных лиц и населения, и таким образом больше связана с методами господства, которые развиваются вне сферы институтов и права.

В этом контексте нужно искать ответ на вопрос о мере управления, а также о субъективности,

другими словами – ответ на вопрос «Кто вы?». То, что Фуко называет, например, «движение от тела к населению», также имеет дело с тем же феноменом современной биополитики, который относится к процессам естественной и смертной жизни, а также к «проблеме города», очерчивая все проявления движения от контроля к регулированию [4]. Более того, несмотря на то что Фуко не поддерживает политический суверенитет как народный суверенитет, т. е. как дискурс, который представляет ответ на вопрос о том, что же такое биополитика, философ подчеркивает, что большинство современных форм власти сами по себе содержат оба момента, иллюстрируя это сексуальностью: сексуальность одновременно относится и к политической анатомии человеческого тела, и к биополитике населения. Второй пример – нацизм, в котором одинаково присутствовали как сила контроля, так и биологическая регуляция. Это политическое и этическое требование Фуко открыто не высказывает, но тем не менее делает набросок возможности такого развития биополитики.

Своеобразным полигоном для биополитической парадигмы становится изменение качества политики, связанное с влиянием пандемии и относящихся к ней кризисов. Очевидно, что экзистенциальный вызов эпидемий добавляет многим социальным, демографическим и экономическим процессам политической ангажированности. Нерациональная (аффективная или эмоциональная) политическая конкуренция восстанавливается после применения практик «социального дистанцирования», а качество политического выбора под влиянием пандемии серьезно изменилось.

Под влиянием пандемических пертурбаций выбор у политических сообществ происходит по модели трилеммы – выбора между тремя альтернативами, в котором можно непротиворечиво учесть набор политических системообразующих интересов только двух акторов из трех. В нашем случае речь идет о правительстве суверенного государства, о суверенном гражданине и о населении как популяции людей в пределах государственных границ. В этой модели интересы государства сосредоточены на достижении суверенитета правящей группы, интересы популяции – на биологическом и микроэкономическом выживании, а интересы гражданина – на сохранении своих публично-политических и социально-экономических прав, которые делают его сувереном, равным с государством (в условиях верховенства права).

С учетом указанных интересов будущее политических систем будет колебаться между тремя наборами политического выбора.

1. *Противоправный суверенизм (автократия)* выступает как компромисс между интересами

государства и популяции. Здесь суверенное доминирование правящей группы должно обеспечить выживание населения.

2. *Демократическая депопуляция* является результатом компромисса правительства и гражданина, когда конституционный баланс прав гражданина и правительства будет ограничивать способность быстро и неправовым образом реагировать на эпидемиологические угрозы. Это в свою очередь будет способствовать непрерывной депопуляции определенных стран и созданию демографического вакуума, который рано или поздно будет заполнен мигрантами из регионов, где будет избыток населения (Африка и Юго-Восточная Азия).

3. *Децентрализованная анархия* является результатом компромисса между гражданином и популяцией. Несмотря на то, что большинство действующих государств малоэффективны, отдельные социальные группы, общества и индивиды будут брать ответственность за свою жизнь в свои руки.

Это будет мобилизовать движения к экспериментированию с безгосударственными формами политики, с анархическими проектами,

суб- и транснациональными государственными проектами. Это активное политическое творчество принесет беспорядок, войны и новые политические образования, незначительная часть из которых, вероятно, обеспечит и равенство, и свободу, и безопасность своим гражданам в первой половине XXI века.

Выводы. Пандемия и связанные с ней кризисы побуждают к политической мобильности и креативности. Часть этой креативности точно будет способствовать появлению свободных политических режимов и систем. Однако кроме этого выбора есть немало других – суверенистических или анархических.

Какой бы выбор не делали народы, у них, как мне кажется, нет опции отказаться от этой модели выбора. Биополитические вызовы заставляют действовать – не важно, разумно или аффективно, но активно и творчески. Тенденции, существовавшие в мир-системе о нынешней пандемии, делают популистские имитации выбора невозможными. Отказ от выбора приведет к непродолжительному существованию сообщества, депопуляция, деполитизация и десоциализация которого будут полными и неизбежными.

Список литературы

1. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 45–46
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984. В 3 ч. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 151–152
3. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Киев: Дух и Литера, 1998. С. 201.
4. Koljević Griffith B. Twenty-First Century Europe at the Crossroads // *Kritika & Kontext*. 2017. Vol. 56. No. 1. Pp. 1–11.

References

1. Platon. *Sobranie sochineniy*. V 4 t. T. 3 [Collected works. 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. Pp. 45–46.
2. Fuko M. *Intellektualy i vlast'*. V 3 ch. Ch. 1. [Intellectuals and power. 3 parts. Part 1]. Moscow, Praxis Publ., 2002. pp. 151–152.
3. Fuko M. *Zabota o sebe. Istoriya seksualnosti* [Self care. The history of sexuality]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 1998. P. 201
4. Koljević Griffith B. Twenty-First Century Europe at the Crossroads. *Kritika & Kontext*, 2017, vol. 56, no. 1, pp. 8–15.

Информация об авторе

Подручный Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: in_litteras@tut.by

Information about the author

Podruchny Mikhail Viktorovich – Senior Lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: in_litteras@tut.by